

Ирина Грачева.

Последняя загадка царицы Сумбеки.

Грачева Ирина Владимировна

Родилась в 1954г. в г. Гаврилов - Ям Ярославской области. Закончила филологический факультет Ленинградского университета. Работает на кафедре литературы Рязанского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент. Основные темы исследований - русская классическая литература 19 века, история русской культуры, краеведение.

Литературоведческие статьи и научно-популярные очерки Грачевой печатаются в журналах: "Литература в школе", "Русская словесность", "Русская речь", "Наука и жизнь", "Наука и религия", "Свет" ("Природа и человек"), "Нева", "Московский журнал", "Русь", "Сельская новь" и др. В Рязани вышла ее монография "А. П. Чехов и художественные искания его эпохи" (1991) и в соавторстве с Д. В. Бочаровым и В. А. Чапышкиным - "Очерки истории литературы Рязанского края".

Адрес: 390000, г. Рязань, ул. Ленина, 20
Рязанский государственный университет, кафедра литературы

Издано по заказу предпринимателя Малова С. В. Право на тиражирование и реализацию принадлежит исключительно заказчику. Распечатка, распространение только с разрешения заказчика.

Компьютерная верстка - Быкова А. В.
Корректор, фотокорректор - Быкова А. В.

При подготовке издания использованы фотографии Малова С. В. и Надеждиной Н. М.

ООО "Шацкая типография"
391550, Рязанская область, г. Шацк, ул. Морина, 1
Тел.:(49147) 2-12-65, 2-11-58.

Последняя загадка царицы Сумбеки.

Имя прекрасной Сумбеки (Сююн-Бике), последней казанской царицы, окружено романтическими легендами. В Казани простодушным туристам показывают “башню Сумбеки”, с которой якобы бросилась царица, не желая пережить падения своего города, осажденного войсками Ивана Грозного, и стать пленницей. На самом же деле и башня построена позднее, и “Казанская история”, литературный памятник 16 века, рассказывает о судьбе Сумбеки иначе: “И хотела царица убить себя, но не смогла, ибо крепко берег ее блюститель”. Казанская знать выдала свою правительницу воеводе Серебряному незадолго до осады Иваном Грозным Казани. Это был один из ходов сложного дипломатического лавирования казанцев, которые то демонстрировали готовность к союзу с Москвой, то обращались за помощью к крымским ханам. В “Казанской истории” пленение Сумбеки связывается с попыткой Москвы вновь подчинить Казань своему влиянию, утвердив на престоле своего ставленника, хана из Касимова Шах-Али (Шигалея, как называет его автор “Казанской истории”). Причудливая вязь исторических закономерностей и случайностей переплела судьбы последней казанской царицы и касимовского хана.

Для Шах-Али Казань стала поистине роковым городом. Юному касимовскому хану едва исполнилось 14 лет, когда в 1519 году великий московский князь Василий III по договору с казанцами послал его править этой мятежной и коварной землей. Через два с лишним года в результате переворота Шах-Али был позорно изгнан вместе со своим воеводой. Но и это было счастьем, так как некоторые казанцы настаивали на его смерти. С трудом добравшись до Москвы, натерпевшегося страха и лишений юношу Василий III обладал и окружил подчеркнутым вниманием и почетом. В официальных документах Василий неизменно именовал Шах-Али “братом”. С. Герберштейн, посланник австрийского императора, приехавший в Москву в 1526 году, сразу заметил то особое положение, которое занимал в придворной иерархии Шах-Али. Послы участвовали в великокняжеской охоте, и Герберштейн сообщал, что рядом с Василием III “с правого боку его ехал изгнанный казанский царь, татарин, по имени Шиг-Алей”. Василий первым начал охотничью потеху, дав знак спустить за зайцем свою любимую собаку. Его же придворным пришлось сдерживать свои страсти. Герберштейн повествует: “Вначале никому не дозволялось спустить охотничью собаку, кроме царя, Шиг-Алея и нас”. Охота закончилась пиром в раскинутых шатрах. Послов пригласили к столу великого князя. “При нашем появлении он сидел на седалище из слоновой кости, - рассказывал Герберштейн, - с правой стороны его был царь Шиг-Алей, а мы сели напротив ...”

Однако вскоре Шах-Али сполна изведаль гнев московского владыки. Василий III, раздосадованный тем, что возмужавший касимовский хан стал проявлять излишнюю самостоятельность в политических делах, в 1533 году сослал его в заточение на Белоозеро. Возможно, там, на чужой северной земле и пришлось бы узнику окончить свои дни, если бы после смерти Василия III он не понадобился московским властям для очередного дипломатического хода. Мать Ивана IV Елена Глинская, ставшая регентшей при малолетнем сыне, посоветовавшись с приближенными боярами, решила вернуть Шах-Али из ссылки. Московский двор встретил касимовского хана неожиданными почестями. Едва недавний опальный выбрался из саней у дворцового крыльца, как к нему с радушными приветствиями поспешили первые люди государства: боярин князь Василий Васильевич Шуйский и боярин князь Иван Федорович Телепнев, всесильный фаворит царицы. Хана провели в царские покои. На торжественной аудиенции малолетний царь Иван, которому шел пятый год, важно исполнил свои державные обязанности: милостиво посадил Шах-Али рядом, “с правой руки”, спросил о здоровье и пожаловал дорогой шубой. Когда Елена Глинская принимала у себя жену хана Фатьму-Султан, разделившую с мужем заточение, Иван также пришел ее поприветствовать и, чтобы подчеркнуть уважение к гостю, даже выучил несколько татарских слов. Десять лет царский двор, оказывая всяческие милости касимовскому хану, приберегал эту “шахматную фигуру” для решающей игры.

В 1546 году в Казани взяла верх политическая группировка, которая ориентировалась на союз с Москвой. Казанцы, изгнав своего правителя, крымского хана Сафа-Гирея, обратились к Ивану IV, выражая согласие принять на престол его ставленника. Тогда-то и настала очередь Шах-Али. “Казанская история” утверждала, что Иван “принудил его идти на царство”, и покорный воле государя Шах-Али отправился в Казань “великою печалью одержим”. Повесть рисует Шах-Али как верного царского помощника, всегда готового послужить Руси и исполнить любое повеление ее правителя, даже если бы за это и пришлось заплатить собственной жизнью. Тревожные предчувствия не обманули хана. Приехав в Казань, он с первых же дней оказался почетным пленником, и только бегство спасло его от гибели. А на его место вновь вернулся Сафа-Гирей.

В третий раз казанцы, напуганные военными приготовлениями в выросшем недалеко от Казани Свияжске, в 1551 году предложили компромисс: они вновь приглашали на правление Шах-Али с условием, чтобы он взял в жены Сумбеку, правившую в Казани после смерти мужа, хана Сафа-Гирея. Шах-Али согласился (или ему велели это сделать, недаром в “Казанской истории” говорится, что он не сразу дал ответ, а должен был “посоветоваться”). Версия о возможном политическом компромиссе с помощью брака Шах-Али и Сумбеки подтверждается и историческими документами. Отец Сумбеки, влиятельный ногайский мурза Юсуф писал в ту пору Ивану Грозному: “А ныне хотим с Шигалеем царем в дружбе и свойстве быти и дочь свою хотим за него дати”. Но по легенде, во время пятнадцатидневных праздников по случаю сговора царица послала своему “суженому” необычные дары: отравленное угощение и пропитанную ядом одежду. Однако знавший толк в азиатских хитростях хан был осторожен. Угощение, собственноручно приготовленное царицей, предложил сначала отведать своей собаке, а роскошную рубаху, шитую Сумбекой, велел надеть на приговоренного к смерти раба. И собака и раб погибли на глазах своего господина в жестоких мучениях. Царь Иван был в гневе и потребовал немедленной выдачи стропливой царицы.

Если в этой легенде кроется хоть малая доля правды, то зачем так стремилась Сумбека погубить Шах-Али? Зачем с бесповоротной решимостью рвала все сети дипломатических хитросплетений, которые с таким трудом создавал ее отец? Надеялась ли, что сама сумеет противостоять Москве? Хотела ли сохранить престол за своим малолетним сыном, который потерял бы всякое право на наследование, если бы в Казани утвердился род Шах-Али? Или, быть может, боялась заслуженной мести касимовского хана? Существует версия, что именно она, прекрасная и коварная дочь ногайского мурзы, стала виновницей гибели младшего брата Шах-Али - Джан-Али. В один из периодов сближения Казани с Москвой в 1531 году казанцы били челом царю Василию III: “чтобы государь нас пожаловал, дал нам Яналея-царевича”. Джан-Али, по характеристике “Казанской истории”, был нрава тихого и кроткого. Ему удалось продержаться в Казани пять лет. Джан-Али просил у Москвы разрешение посватать дочь Юсуфа Сумбеку. Москве союз с Ногайской ордой был выгоден, и царь дал согласие на этот брак. Но вскоре Сумбека в письмах стала жаловаться отцу и братьям на мужа. Посланный с дипломатическими поручениями в Ногайские улусы Д. Губин предупреждал царя Ивана: “А к Юсуфу, государь, ис Казани дочь присылала, Яналеева царица. Сказывают, государь, Яналей-царь ее не любит. И Юсуф, государь, сказывают, послал к казанским князем, чтобы Яналея-царя с Казани сослали, а дочь его ему отдали”. Однако Москва не успела принять ответных мер. Ночью во дворце казанских царей придворные убили спящего Джан-Али. Убийство скорее всего санкционировалось самим Юсуфом и, вероятно, не только потому, что невнимание Джан-Али к Сумбеке он счел оскорблением фамильной чести. Скорее всего здесь крылся политический расчет. Г. Н. Моисеева в статье “Казанская царица Сююн-Бике и Сумбека “Казанской истории” (Труды отдела древнерусской литературы АН СССР, Т.12. М.: Л., 1956) высказала предположение, что между Юсуфом и крымским ханом Сафа-Гиреем мог существовать тайный сговор. Юсуф помог Сафа-Гирею расчистить дорогу к казанскому престолу, впоследствии всячески поддерживал его в распрях с казанцами и при необходимости давал свое войско, а хан в свою очередь обязался завещать казанский престол сыну, родившемуся от брака с Сумбекой. Юсуфа и его дочь не могло не беспокоить, что от продолжительного брака с Джан-Али у Сумбеки так и не было детей. Для Москвы же делали вид, что все произошло случайно и Сафа-Гирей, захватив в плен Сумбеку, не успевшую уехать к отцу после гибели Джан-Али, насильно сделал ее своей наложницей. Брат Сумбеки с притворным огорчением сообщал царю Ивану о бесчинствах Сафа-Гирея, сваливая на него заодно и смерть Джан-Али: “Да еще брата нашего Яналея царя убил, да сестру нашу в полон за себя взял ...” В Москве и впрямь поверили этому, и Иван Грозный соболезновал Юсуфу: “Сафакирей, крымский царевич, пришед крымских людей изменою, Яналея царя убил, а дочь твою взял и многую ей соромоту учинил, как писати непригоже ...” Однако Сафа-Гирей, имевший уже несколько жен, отдавал Сумбеке явное предпочтение, всячески подчеркивая ее особые привилегии (вовсе не как военной добычи, а как царицы). Брак с Сафа-Гиреем сулил Сумбеке блестящую будущность. Вот-вот должен был родиться долгожданный сын, которого Сафа-Гирей обязался объявить своим единственным наследником (Сумбека была уверена, что родит непременно мальчика). Но все погубила непредвиденная случайность. Сафа-Гирей, отважный и удачливый воин, властный и предприимчивый правитель, пал жертвой не дворцового заговора, не военного конфликта, а собственной неумеренности. Однажды, умываясь после слишком обильной попойки, он поскользнулся на мокром полу и сильно ударился головой об “умывальный теремец”. В этот же день он скончался, завещав царство Сумбеке. Она уверенно приняла бразды правления и, когда у нее родился сын Утемеш-Гирей, объявила его казанским царем. Ее поддержал глава крымских воинов, служивших Сафа-Гирею,

улан Кошак. Судя по тому, что “Казанская история” приписывала Сумбеке страсть к Кошаку, “величавому и свирепому”, ей, видимо, нравились личности сильные и воинственные. Возможно, именно этим и привлек ее в свое время Сафа-Гирей, представлявший полную противоположность ее первому мужу, кроткому Джан-Али. Уж не оговорила ли его Сумбека намеренно, чтобы любой ценой добиться развода? И не от нее ли исходила инициатива союза ногайцев с Сафа-Гиреем? Ведь все началось с ее писем, в которых она стремилась восстановить отца против Джан-Али.

В политических делах Сумбека проявляла необычайную для женщин того времени решительность и самостоятельность. Став после смерти Сафа-Гирея полновластной правительницей Казани, она намеревалась дать отпор Москве, укрепляя город и собирая войско. Предложенный отцом брак с Шах-Али был для нее нежелателен не только потому, что отстранял ее с сыном от власти, и не только потому, что Шах-Али вряд ли простил бы ей смерть брата. Помимо всего прочего новый претендент на руку царицы был еще и крайне непривлекательным: низкорослый, коротконогий, с рыхлым телом и “толстым чревом”, с отвислыми ушами и редкой бороденкой. По свидетельству летописца он наделен был исключительным умом, но воином был плохим: из-за своей полноты “не могий скоро на конях ездити, разумичен же царь преизлишне, но не храбр сый на ратях ...” Когда царь Иван отправлялся в Казанский поход, Шах-Али привел ему на подмогу свою отборную татарскую конницу. Но выяснилось, что сам он не в состоянии ее возглавить во время длительного и трудного перехода. Иван милостиво разрешил касимовскому хану плыть к Казани на стругах, а конница следовала за своим повелителем по берегу.

Трудно сейчас сказать, в самом ли деле Сумбека пыталась организовать покушение на постылого “жениха”, или Иван спешил удалить с политической арены опасную фигуру, но по требованию Москвы казанцы вынуждены были выдать свою царицу русским воеводам, надеясь такой уступкой все-таки сохранить политическую самостоятельность. “И повели ее в приготовленный для нее царский струг ... - рассказывает “Казанская история”. - Посередине струга было сделано помещение для царицы - стеклянный теремок, светлый, как фонарь, покрытый золочеными досками, в котором, как свеча, сидела царица, видя во все стороны. С нею отправил воевода тридцать благородных и красивых женщин и девиц на утеху царице. И положили ее в теремке на царскую ее постель, словно больную или пьяную, упившуюся, как вином, беспробудною печалью ...” Красивый стеклянный теремок был сделан вовсе не ради удобства путешествия Сумбеки, а для того, чтобы по пути ее следования все могли видеть ценный военный трофей, доставшийся Московскому царю. Горько рыдала Сумбека, прощаясь со своим царством. И не могли ее утешить воеводы, хотя наперебой обещали и почет при московском дворе, и богатство и достойного ее жениха ... Шах-Али занимал казанский трон несколько месяцев и опять был изгнан. А через год, когда Иван Грозный с победой возвратился из Казанского похода, Сумбека неожиданно стала супругой Шах-Али. Мотивы этого брака в документах той поры излагаются весьма противоречиво и туманно. “Казанская история” повествует, что это был ее добровольный выбор, объясняемый знатностью касимовского хана и особым покровительством, которое оказывал ему царь. В переписке Ивана Грозного то выдвигается подобная версия, то утверждается, что инициатива исходила от Шах-Али. Юсуф, узнав, что Сумбека увезена в Москву, настойчиво просил Ивана отпустить к нему дочь с внуком. Но царь, решив присоединить Казань к России, вовсе не собирался освобождать своих пленников и тем самым создавать повод для оспаривания прав на казанский престол. В одном из писем к Юсуфу он сообщал: “А Сафагиреев царев сын Утемеш-Гирей-царь за отца своего грубость ныне у нас в Москве. А мати ево Сююнбек-царица к нам же приехала, а Шигалей-царь у себя ее держати не захотел. И мы тебя для дочерь твою Сююнбек-царицу пожаловали своим великим жалованием, платьем и ествою издоволили ... И впредь хотим ее за Шигалеем-царем учинити”. Несмотря на то, что Шах-Али вовсе не желал этого брака, найти другого жениха для Сумбеки, чтобы навечно оставить ее на Руси, было затруднительно, так как она упорно отказывалась принимать христианство. И тогда царь Иван с мстительным расчетом выдал Сумбеку за знатного единоверца, но такого, который был ей глубоко ненавистен и сам в свою очередь таил против нее недобрые чувства.

Современники знали, как горька была для Сумбеки эта “честь”. Шах-Али привез ее в Касимов. “Казанская история” повествует: “И взял царь Шигалей в жены казанскую царицу, но не любил он ее, несмотря на ее красоту ... и жила она у него, запертая в отдаленной и несветлой комнате, словно в темнице, и не сходилась он с нею спать...” Если хан не уморил ее в сердцах голодом, то только “слова ради к нему о ней самодержца”. До Юсуфа дошли слухи, что его дочь уже при смерти, и он с тревогой писал об этом Ивану, угрожая разрывом дипломатических отношений. Царь, отправив Юсуфу успокоительное письмо, тут же послал Шах-Али предупреждение, что к нему в Касимов придет посланец от Юсуфа (скорее всего брат царицы), которому необходимо продемонстрировать полное

благополучие Сумбеки: “А будет Сююнбек-царице пригоже от себя к отцу и матери своей послати грамоты о своем здоровье известити и о их здоровье спросити, и ты бы ей велел послати грамоты, каковым пригоже быти...” Именно - “каковым пригоже быти” и никак иначе. Шах-Али должен был лично проверить содержание письма и копию отправить царю. В Касимов собрался один из сыновей Юсуфа, но эта поездка не состоялась. В 1554 году отец Сумбеки был убит своим братом Исмаилом, рвавшимся к власти, и теперь уже некому было давать отчет о судьбе касимовской затворницы.

Разлучили Сумбеку и с ее сыном. Летопись сообщает, что митрополит Макарий окрестил мальчика в соборе Чудова монастыря и дал ему имя Александр, “и царь благоверный пожаловал царя Александра Сафа-Гиреевича, велел жити у себя в царском своем дому и повелел его учити грамоте”. Возможно, его готовили на роль казанского наместника, такого же преданного и покорного, каким был “касимовский царь” Шах-Али. Несмотря на свой юный возраст, Александр неизменно присутствовал на всех придворных церемониях, участвовал в крупных церковных праздниках. Так, в 1560 году он, именовавшийся “Казанским царем”, смиренно стоял рядом с Иваном на торжественной литургии, посвященной победе над Казанью. В 1563 году, отправившись в очередной военный поход к Полоцку, Грозный повелел и 14-летнему Александру следовать вместе с войском. Выросший сиротой царевич умер, достигнув 17 лет. Успела ли Сумбека оплакать своего сына? И сколько сама она прожила в негостеприимном доме Шах-Али? Это до сих пор остается неизвестным.

В истории Сумбеки немало тайн, но последняя загадка - где была похоронена скончавшаяся в Касимове легендарная “красносолнечная” царица, о которой “Казанская история” сообщала: “не было ей равной в Казани по красоте среди жен и девиц”. Кажется, где же еще искать ее могилу, как не в сохранившемся донныне мавзолее Шах-Али (если только она не умерла ранее 1555 года - времени возведения мавзолея). Но нашлось ли в родовой усыпальнице хана место для той, которую он отверг при жизни и содержал не как жену, а как отданную под надзор пленницу? В. В. Вельяминов-Зернов, автор “Исследования о касимовских царях и царевичах” (СПб., 1863), в середине 19 века изучал состояние мавзолея Шах-Али и сообщал, что, судя по остаткам надгробий, там было девять захоронений. Обломки десятой надгробной плиты, как полагают, попали в мавзолей случайно. Побывавший в Касимове в конце 18 века член российской Академии наук П. С. Паллас видел в мавзолее восемь могил, сложенных из красноватой глины, одна из них была двойная. Несмотря на то, что погребения давно были разорены, сохранились кости, девять черепов, куски цветной узорной ткани. Кроме самого Шах-Али и его любимой жены Булак-Шад, по отрывочным, полустершимся надписям на обломках плит удалось установить имена шести родственников хана. Девятая же могила - безымянная. Она-то и дает до сих пор повод для новых легенд. Рассказывают, будто бы Шах-Али не велел писать имя на надгробии имя Сумбеки, чтобы никто не нашел ее следов и сама память о ней затерялась в веках ... А может, ее захоронили на окраине города на старом татарском кладбище. Узнаем ли мы когда-нибудь истину? Откроет ли нам история последнюю загадку прекрасной и коварной казанской царицы?